

ной во время между кризисами) – серьезное основание для того, чтобы обратить внимание на следующие фундаментальные формально-аксиологические законы, действующие всегда и везде (как во время кризисов, так и между ними): $S_2Y_2P^1a\Gamma^1aY_2P^1aP^1a$; $W_2Y_2P^1a\Gamma^1aY_2P^1aP^1a$. Итак, на основании представленных выше результатов исследования дискретной математической модели самоуправления, можно сделать следующий вывод: неэффективность рыночного самоуправления в экономике существует всегда и везде, но становится очевидной лишь в пространственно-временных границах кризисов.

Литература:

1. Лобовиков В.О. Математическая логика естественного права и политической экономики. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 630 с.
2. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 460 с.
3. Lobovikov Vladimir. Mathematical Logic as a Particular Case of Mathematical Ethics (Algebra of Formal Ethics as a Generalization of Algebra of Formal Logic) // Proceedings of 7th Pan-Hellenic Logic Symposium (July 15-19, 2009). Patras, Greece: University of Patras, 2009. P. 136-139.

О.Ф. Русакова

ДИСКУРС И ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ
E-mail:
rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

Под *дискурсом* как одной из центральных категорий современного научного знания мы понимаем сложноструктурированное ментальное образование, выполняющее следующие коммуникативно-семиотические и дисциплинарные функции:

- функция *означивания и оценки феноменов реальности* (символизация и ценностная ориентация),
- функция *смыслопроизводства*, нацеленная на формирование определенного мировидения и миропонимания,
- функция *интерпретации* рассматриваемых объектов,
- функция *идентификации и позиционирования* исследуемых объектов,

- функция *реализации коммуникативно-познавательных стратегий*, связанных с производством, трансляцией и воспроизводством знания,
- функция *дисциплинарной нормативности*, связанная с определением проблемно-тематического содержания и предметных границ той или иной дисциплины.

В структурном плане дискурсы академических дисциплин можно представить в виде определенных *когнитивных решеток* или *ментальных фильтров предпочтения* (мировоззренческих, концептуальных, образно-символических и др.) на базе которых формируются системные представления об изучаемых объектах.

В самом общем виде *дискурс политической философии* представляет собой динамичную когнитивную решетку, выполняющую функции *теоретического структурирования, моделирования, интерпретации и оценки феноменов политической жизни*.

Когнитивная решетка дискурса политической философии может быть представлена следующими ключевыми параметрами:

- 1) тип рациональности,
- 2) философско-мировоззренческая установка,
- 3) ценностно-идеологическая ориентация,
- 4) парадигмы и теоретико-методологические стратегии,

5) образовательно-просветительские стратегии (разъяснение смыслов, убеждение, внушение и др.),

6) концептосфера (совокупность базовых концептов как смысловых полей интерпретаций),

7) нарративно-текстовые формы репрезентации идей (стили, жанры, сценарии, композиции, тропы и др.),

8) контекстовые компоненты (культурно-исторический контекст, интеллектуальный контекст, биографический контекст и др.).

Первый параметр – тип рациональности – определяет самую общую эпистемологическую установку в осмыслении политической реальности. Все другие параметры можно рассматривать в качестве вариативных репертуарных компонентов того или иного типа рациональности.

Обычно выделяют три типа рациональности – классический тип, неклассический тип и постнеклассический тип². Соответственно можно говорить о трех основных типах дискурсов политической философии: дискурс классической политической философии, дискурс неклассической политической философии, дискурс постнеклассической политической философии. В политико-философском творчестве можно обнаружить также дискурсы смешанного типа, соединяющих черты различных видов рациональности.

Дискурсы политической философии весьма разнообразны по сочетанию своих структурных компонентов. Взяв в качестве основного критерия рассмотрения типов политической философии определенный тип рациональности, постараемся далее выявить конкретные дискурсные вариации классической, неклассической и постнеклассической политической философии.

С нашей точки зрения, основными чертами дискурса классической политической философии являются:

- монизм,
- логоцентризм,
- телеологизм.

Монизм или монистический взгляд на политическую сферу предполагает существование некоего первоначала, перводвигателя, некой первоосновы развития политической жизни общества. Обычно в роли перводвигателя выступают следующие универсальные силы: Логос, Космос,

Природа, Бог, Абсолютный Дух, Абсолютный Разум, Абсолютная Свобода. Монистическая установка лежит также в основе теоретических моделей, где в качестве перводвигателей выступают социогенные силы (социальная борьба, общественное производство, социальная креативность, традиции, верования, научно-технический прогресс, информатизация и т.п.) или антропогенные силы (человеческий разум или рациональность, психика, воля, человеческие потребности, интересы).

Логоцентризм означает усмотрение в мире политики некой предустановленной гармонии, определенной четкой иерархии, убеждение о существовании общих универсальных законов, задающих порядок организации политической жизни. Неупорядоченность, хаос рассматриваются как аномалии, патологии.

Телеологизм – это усмотрение в политических процессах, институтах и отношениях некоего замысла, проекта, цели, сценария, по которому развивается ход мировой политики. Обычно телеологизм связан с представлением о конечной цели, на реализацию которой объективно направлен историко-политический процесс. Телеологизм также предполагает разработку линейной или линейно-поступательной модели исторического и политического времени.

В конце XIX – начале XX вв. в интеллектуальном философско-политическом пространстве появляется и распространяется дискурс особого рода, соединяющий в себе черты рационализма классического типа (к примеру, монизм и логоцентризм) и элементы, характерные для дискурса неклассического типа, связанные, прежде всего, с критической оценкой либеральной стратегии проекта Просвещения. В рамках политической философии данного типа формируется представление о новом политическом субъекте, способном к радикальному обновлению существующего мира, субъекте, наделенном особой социальной энергией и сильной политической волей. Данного рода дискурс в нашей классификации получил название «дискурс политической философии переходного типа».

Дискурс политической философии переходного типа

Воля, власть, сила, практицизм, нигилизм, энергичная политическая борьба, социально-пре-

образовательная деятельность – таковы новые идейные установки, которые характеризуют дискурс политическую философию переходного типа. Историческим контекстом данной разновидности политического философствования выступают переходные эпохи, маркированные кризисными процессами в различных сферах общественной жизни.

Наиболее ярко дискурс политической философии переходного типа представлен, на наш взгляд, в творчестве Фридриха Ницше и Владимира Ильича Ленина.

В философско-политическом дискурсе Ф.Ницше классический принцип монизма трансформируется в неклассическую парадигму под названием «воля к власти». Именно этим понятием Ницше озаглавливает свою ключевую работу по политической философии³.

Единственной системой ценностей для Ницше является та, которая выступает шкалой степеней силы. Ницше разработал целое учение об иерархии рангов, согласно которому каждый ранг устанавливается в зависимости от количества власти. «Мысли мои вертятся не вокруг степени свободы, которую следовало бы предоставить тому или иному, но о степени *власти*, которую тот или иной над другими или над всем должен осуществлять, то есть насколько определенное жертвование свободой, даже порабощение, дает базу для возникновения *высшего типа*»⁴.

Иерархическая модель общественной жизни, представленная в творчестве Ницше свидетельствует об его приверженности принципу логоцентризма, что, в свою очередь, говорит о классических чертах его философско-политического дискурса.

К людям высшего ранга Ницше относит тех индивидов, у кого воля к власти, а, следовательно, воля к жизни, проявляется особенно ярко. Это люди сильные прежде всего духом. Сила их духа заключается в способности выступать против распространенных норм морали, религиозных догм и учений. Это люди – аристократы духа, господ, которым чужда рабская психология, рабское смирение перед Богом, христианской церковью, законами, правом и другими институтами политической власти. Людей данного типа Ницше называет словом «сверхчеловек».

Сверхчеловек как наиболее сильный человеческий вид, по Ницше, противостоит массе рабов и

посредственных людей. Посредственности, объединенные идейно и политически, представляют собой огромную силу. Их мировоззренческими основаниями являются христианство, официальная мораль, социализм, либерализм среднего класса.

Христианская религия, по Ницше, есть религия, поддерживающая стадные инстинкты слабых, угнетенных людей, в то время, как «высший человек» отличается бесстрашием и умением бросить вызов несчастью. Христианская мораль рассматривается как «кардинальное преступление против жизни», поскольку она выступает в роли *консервирующей и* солидаризирующей силой слабых людей, направленной против людей сильных.

В социализме Ницше усматривает ту же беду, что и в христианской морали. Социализм определяется им как до конца продуманная тирания ничтожнейших и глупейших, т.е. поверхностных, завистливых и актерствующих.

Либерализм среднего класса, по Ницше, обладает определенным полезным свойством – стремлением к социальной стабильности. Среднему классу буржуазии «не нужны ни революции, ни социализм, ни милитаризм». В то же время слово «либерализм» трактуется им как синоним консервативной заурядности, т.е. посредственности. Либеральный парламентаризм и либеральные идеи свободы слова для Ницше мало чем отличаются от социалистических и анархических воззрений, поскольку также делают ставку на массу посредственных людей. Вся европейская демократия представляется Ницше как высвобождение ленистей, усталостей, слабостей.

Будучи последовательным монистом и логоцентристом, Ницше, тем не менее, выходит за рамки классического рационализма, поскольку обрушивается с критикой на любые телеологические идеи и на проект Просвещения в целом.

В противовес просветительскому культу Разума Ницше утверждает приоритет естественных страстей и воли над рациональной рефлексией. Соотношение воли, чувств и разума является для Ницше методологическим основанием для оценки исторических эпох, культур, учений. Ницше выделяет три варианта или типа данного соотношения, которые обозначаются им, как *аристократизм, феминизм, анимализм*. В соответствии с названными типами даются следующие характеристики трем столетиям:

Семнадцатый век *аристократичен*, он – поклонник порядка, надменен по отношению к животному началу, строг к сердцу, – лишен добродушия и даже души, «не немецкий»; это – век, враждебный всему естественному и лишенному достоинства, обобщающий и властный по отношению к прошлому, ибо верит в себя. *Au fond* в нем много хищника, много аскетического навыка – дабы сохранить господство. *Сильное* волей столетие, а также столетие сильных страстей.

Восемнадцатый век – *феминистичен*, «он весь под властью женщины»: мечтательный, остроумный, поверхностный, но умный, где дело касается желаний и сердца, *libertin* даже в самых духовных наслаждениях, подкапывающийся подо все авторитеты: опьяненный, веселый, ясный, гуманный, лживый перед самим собой, *au fond* – в значительной мере *canaille*, общительный».

Девятнадцатый век – *анималистичен*, он более животный, он *безобразнее*, реалистичнее, грубее, – и именно потому «лучше», *честнее*, покорнее всякого рода действительности, истинный. Нет страха и благоговения ни перед «разумом», ни перед «сердцем». Даже мораль сведена к инстинкту⁵.

Политическая философия Ницше во многом оказалась пророческой в отношении дальнейшего распространения в политике идей правового нигилизма и опоры на силовые методы политической борьбы. Его концепция естественного человека с сильной волей, способного выступить против моральных устоев буржуазного мира, против религиозного догматизма, готового к пересмотру всех ценностей, господствующих в мире обывателя, оказались близкими новым политическим идеологиям и практикам начала XX века, в числе которых фашизм и большевизм.

Ключевые черты большевистского политико-философского дискурса ярко представлены в политической публицистике Владимира Ильича Ленина.

Политическая философия Ленина пронизана практицизмом политической борьбы. Она полностью «заточена» на идейные сражения, на внутрипартийные и межпартийные споры, на живую политическую деятельность. Ленин – сугубый прагматик. Все философские и политические вопросы, которые он обдумывает, анализирует и разрабатывает прочно привязаны своей тематикой

к текущему политическому моменту, к конкретной ситуации, связанной со столкновениями различных позиций, взглядов, мнений.

Главная аудитория ленинских работ – не академическое сообщество интеллектуалов, а профессиональные политики, партийные идеологи, вожди масс, которые являются либо политическими соратниками Ленина, либо его оппонентами. В анкетах Ленин предпочитал называть себя публицистом. Любимейший жанр ленинской публицистики – политическая полемика.

В полемическом задоре Ленин нередко прибегает к грубым выражениям. Его дискурс брутален и категоричен. Особенно резко Ленин высказывается в адрес тех, кто, по его мнению, под прикрытием лозунга «свободы критики» марксизма пропагандирует, по сути, буржуазные идеи, враждебные интересам пролетариата, кто выступает за пересмотр марксистского положения о «конечной цели», т.е. идеи революционной борьбы за социализм и коммунизм. К таковым, по Ленину, относятся ревизионисты и оппортунисты всех мастей. Они опасны, поскольку незаметно под красивыми и эффектными лозунгами протаскивают буржуазные идеи.

Понятие свободы, по Ленину, нередко выступает элементом политической риторики, за которой скрываются поступки и социальные практики, враждебные людям труда. «Свобода – великое слово, – пишет он в работе «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» – но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда – грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «Да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке»⁶.

Ленинская философско-политическая модель мира внутренне глубоко конфликтна, дуалистична, поскольку раздираема непримиримыми противоречиями, силами, интересами, мировоззренческими установками. Одно мировоззрение – это марксизм, который, по Ленину, научно доказал, что могильщиком капитализма и борцом за социализм

станет пролетариат во главе с революционной партией. Другое мировоззрение – это конгломерат либерально-буржуазных и оппортунистических воззрений, которым чужды социалистические и революционные идеалы. Оппортунисты, по сути, являются союзниками буржуазии, поскольку отказываются от марксистского положения о «конечной цели», т.е. от практической революционной борьбы за социализм.

Между двумя идейно-политическими лагерями, считает Ленин, примирение в принципе невозможно. Поэтому, «вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой и надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»⁷.

Ленин подчеркивает, что соотношение сил между двумя идеологиями в мире буржуазии складывается в пользу первой «по той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения»⁸.

Ленин не щадил себя в борьбе с идеями, которые с уверенностью относил к буржуазным пошlostям и филистерству. В одном из писем к И.Ф.Арманд он признавался в этом не без гордости: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой – против политических глупостей, оппортунизма и т.д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками»⁹.

В своем настойчивом стремлении отстаивать в борьбе с оппонентами правоту ортодоксального марксизма Ленин выступает с позиции классического рационализма. В то же время, перед ним стояла задача адаптации марксистского классического мировоззрения к новым историческим реалиям начала XX века. И здесь Ленину пришлось столкнуться с рядом трудностей методологического характера. Дело в том, что марксистский монистический проект революционного перехода от капитализма к социализму предполагал, что ли-

дерами в этом плане окажутся развитые страны Западной Европы. Однако Ленин, впитавший идеи народничества о возможности социалистической революции в отсталой по западным меркам России, считал, что современная история вполне может предоставить российским революционерам шанс совершить в своей стране социалистическую революцию, не дожидаясь, когда в ней окончательно созреют все необходимые объективные условия для перехода к социализму.

В итоге в своих представлениях о возможном ходе исторического процесса Ленин переходил от марксистского объективно-исторического телеологизма на позицию неклассического полицентризма, предполагая, что центр революционного движения в современную эпоху может переместиться из стран Западной Европы в другие, менее развитые страны, если там найдутся силы, способные воспользоваться революционной ситуацией. Иначе говоря, Ленин полагал, что сила политической воли и революционной организованности в определенные моменты может стать решающим фактором в деле реализации социалистического проекта.

Победа большевиков осенью 1917 г., по Ленину, есть *триумф революционной Воли и революционного Разума*. Воплощением революционной воли выступает большевистская партия нового типа, а воплощением революционного разума – творческое и гибкое применение марксизма к конкретным условиям политической борьбы. Ленин любил повторять слова классиков марксизма о том, что их учение – не догма, а руководство к действию.

В ленинском политико-философском дискурсе ортодоксальная марксистская позиция удивительным образом соединяется с концептом политической гибкости, с идеей приоритета мощного волевого начала в лице по-военному организованной политической партии как авангарда мировой истории. Всемирная миссия партийного большевизма для Ленина очевидна. Мировая коммунистическая революция, по его мнению, будет окончательной победой мирового большевизма. Путь к этой победе лежит через тотальную войну с мировой буржуазией и оппортунистами разного рода.

В ленинских текстах, посвященных организационным вопросам, отчетливо просматривается позиция логоцентризма, причем, *жесткого логоцентризма*, в особенности, когда речь идет

о партийном и государственном строительстве. Эталоны жесткой, но эффективной организации для Ленина были армия и капиталистическая фабрика.

Армия и фабрика, по Ленину, выступают воплощениями принципов «единства воли» и централизованного управления, что, однако, не исключает гибкости в решении конкретных задач. Данные институты хороши еще и тем, что они способны к быстрой и эффективной мобилизации масс. Вот какое описание армейской организации дает Ленин: «Возьмем современное войско. Вот один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она *гибка*, умея вместе с тем миллионам людей давать *единую волю*. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации – и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою ... Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, воодушевленные одной волей миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы»¹⁰.

В двадцатом веке, особенно во второй его половине, широкое распространение получают политико-философские дискурсы неклассического и постнеклассического типов с характерными для них базовыми чертами.

Дискурсы неклассической и постнеклассической политической философии

Базовыми чертами дискурса неклассической политической философии, на наш взгляд, являются:

- *полицентризм* или плюрализм,
- *принцип автономности* как способ преодоления логоцентризма,
- вместо телеологизма – *цивилизационный подход и принцип мультикультурности*,
- *критика рационализма и сциентизма*,
- *критика прогрессизма*.

Для неклассических способов моделирования политического бытия характерно отступление от принципа универсального монизма. Образ

политической жизни в неклассических моделях политического мира принципиально плюралистичен и мозаичен. Политическая реальность рассматривается сквозь призму множественности и разнообразия *цивилизационных и культурно-исторических* моделей. Телеологическая модель глобального политического процесса, характерная для классической политической философии, уступает место мультикультурной полицентрической модели развертывания локальных политических процессов. Разнообразие политического устройства человеческих сообществ объясняется разнообразием культурно-исторических и цивилизационных программ развития.

Философско-методологической базой для неклассической политической философии выступают такие направления как философия жизни, критическая философия истории, экзистенциализм, теория культурных типов О.Шпенглера, цивилизационная теория А.Тойнби, геополитические модели многополярности мира и др.

Во второй половине XX в. наблюдается конвергенция базовых черт классической и неклассической политической философии. Это связано с широким распространением *модернизационной парадигмы и цивилизационного подхода* в гуманитарном знании.

Модернизационный анализ, унаследовав от классического типа рациональности телеологизм (идея о том, что все страны рано или поздно пойдут по пути модернизации) и логоцентризм (одни страны рассматриваются в качестве локомотивов модернизации, другие – как страны второго эшелона модернизации или «догоняющей модернизации»), в то же время, включил в свой методологический арсенал неклассическую парадигму альтернативно-вероятностного характера историко-политического процесса. К данному типу моделирования реальности можно отнести теорию модернизационных волн, представленную в работах Э.Тоффлера, концепцию постиндустриального общества А.Гидденса, теорию волн демократизации С.Хантингтона, а также мир-системный анализ И.Валлерстайна.

С возникновением во второй половине XX в. таких трендов как глобальная маркетинговая, коммерциализация и медиатизация общественной жизни, а также с распространением в научных исследованиях новых универсальных

методологических подходов – синергетического, коммуникативного, дискурсивного, сетевого – в философско-политическом интеллектуальном пространстве стал активно заявлять о себе дискурс постнеклассического типа.

К базовым чертам дискурса постнеклассической политической философии мы относим следующие:

- критика современного общества посредством анализа новых форм господства, гегемонии и деструктивности,
- применение методологии дискурсивной деконструкции при анализе общества массового потребления, массовой культуры и массовых коммуникаций,
- применение синергетической парадигмы в процессе изучения альтернативных сценариев общественного развития,
- рассмотрение сетевой коммуникации и ризомных связей в качестве перспективных форм общественных отношений и моделей устройства будущего мира,
- критика проекта западной модернизации, тотальной рационализации и маркетизации общественной жизни,
- стремление к теоретико-методологическому синтезу критического дискурсивного анализа с неофрейдизмом, неомарксизмом, постмарксизмом и постструктурализмом.

Структурное ядро дискурсивно-идеологического комплекса постнеклассической политической философии составляют идеи представителей Франкфуртской школы (Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Эрих Фромм), французского структурализма (Клод Леви-Стросс, Жак Лакан, Ролан Барт, Мишель Фуко, Поль Рикер), а также философские идеи постмодернизма (Жиль Делез, Жак Деррида, Феликс Гваттари, Жан Бодрийяр).

Если говорить коротко об основных способах конструирования картины мира посредством политико-философских дискурсов постнеклассического типа, то к таковым можно отнести следующие методологические принципы: принцип семиотико-коммуникативного подхода, принцип ризомы, принцип сети и принцип синергизма.

Принцип семиотико-коммуникативного подхода нацеливает исследователя на рассмотрение феноменов сознания, предметного мира жизне-

деятельности человека, социальных институтов и практик в качестве *знаковых систем*, выступающих ядром коммуникативных процессов. Семиотический подход в политической философии означает, что политическая реальность рассматривается как сложно-структурированная знаковая система, лежащая в основе политической коммуникации. В центре внимания сторонников семиотического подхода такие исследовательские объекты как знаки и символы политической власти, символический обмен и символический капитал в структурах политических коммуникаций, знаковые коды политической культуры, смысловые значения политических текстов и образов как знаковых систем.

С распространением исследований медийных политических коммуникаций семиотико-коммуникативный подход лег в основу формирования новой дисциплины – политической коммуникативистики. В настоящее время данное исследовательское направление активно развивается представителями отечественной политической науки – Т.Н. Митрохиной, А.И. Соловьевым, Л.Н. Тимофеевой, А.В. Шевченко, А.Н. Чумиковым и др.

Введением в современную дискурсивную практику понятия ризомы мы обязаны французским философам – Жилью Делезу и Феликсу Гваттари. Под ризомой подразумевается некое образование, в котором все элементы находятся в состоянии взаимопроникающей (диффузной) и взаимопронизывающей связности. В ризоме нет ни начала, ни конца, ни центра, ни периферии. Ризома есть радикальная антитеза иерархичности, то есть, логоцентризма. В отличие от неклассической критики логоцентризма, построенной на принципе плюрализма и полицентризма, постнеклассическое мышление, опираясь на принцип ризомы, вообще отрицает какой-либо центризм и ценностный иерархизм.

Принцип ризомы как принцип исследования предполагает методологический анархизм, равнозначность различных способов мышления и теоретического анализа, если эти способы способствуют приращению нового знания и появлению новых общественных практик. Согласно данному принципу, никакой из элементов той или иной сферы знания, ценностей, опыта, практических навыков не может претендовать на роль

главного, исходного, центрального, единственно правильного.

Принцип сети – это тип мышления, идеалом которого выступает сетевая модель коммуникации, реализованная в сетевом маркетинге, в системе социальных сетей Интернет, в коммунистических практиках, в организации альтерглобалистского сообщества.

Сетевой принцип общественной организации характеризуется открытой горизонтальной и вертикальной мобильностью, преобладанием нестатусной коммуникации, самоуправлением и самоидентификацией.

Принцип синергизма (название происходит от термина «синергетика», обозначающее учение о саморазвивающихся системах) означает, что образом мира выступает модель неустойчивого и неравномерного саморазвития системы, которая испытывает постоянные флуктуации. Войдя в особую точку бифуркации, как точку неопределенности, флуктуация достигает такой силы, что конструкция системы не выдерживает колебаний и начинает разрушаться. В этом случае предсказать что-либо определенно является невозможным, поскольку даже незначительное колебание системы может вызвать к жизни новую тенденцию

и повернуть течение событий в необычное русло. Отсюда – идея вероятностного и неопределенного характера общественно-политического развития, в котором присутствуют не только элементы порядка, но и хаоса. Таким образом, модель мира как упорядоченной системной связи заменяется *стохастической* (неустойчиво-вероятностной) моделью мира.

1. Статья публикуется в рамках следующего проекта: Проект «Гуманитарное знание XXI века: интеллектуальные и институциональные вызовы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знаний».

2. См.: Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре цивилизации. М., 1993; Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей. К проблеме оценки рациональности как ценности культуры // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995; Колесников А.С. Типы рациональности и философская культура // Рациональность и проблемы познания. СПб., 1995 и др.

3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М., 2005.

4. Там же. С. 472.

5. Там же. С. 75.

6. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 9.

7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 39-40.

8. Там же. С. 41.

9. Там же. Т. 49. С. 340.

10. Там же. Т. 26. С. 258-259.

А.Г. Шабуров

СПРАВЕДЛИВОСТЬ/НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Шабуров
Алексей Геннадьевич

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

На самом деле, о справедливости можно сказать всё, что угодно, и практически всё из этого будет правдой. И этой возможностью – говорить о

справедливости всё, что можно только придумать, пользовались и пользуются все, кому это надо: от великих философов до обычных демагогов.

Кажется, что нет смысла заново повторять их опыт, и придумывать какие-то свои оригинальные суждения о справедливости, потому что занятие это насколько трудоемкое, настолько и неблагодарное. Вместо этого можно начать с того, чтобы привести в пример лишь некоторые широко или не широко известные высказывания о справедливости, которые можно встретить в литературе философского и политологического характера. Итак.

«Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, равно как истина – первая добродетель систем мысли» (Джон Ролз)¹. Верно